

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У АРМЯН

Э. Т. Карапетян. *Армянская семейная община*. Ереван, 1958, стр. 1—141. Ее же, *Родственная группа «азг» у армян*. Ереван, 1966, стр. 1—153 (резюме на армянском яз.).

Рецензируемые монографии Э. Т. Карапетян «Армянская семейная община» и «Родственная группа „азг“ у армян» являются результатом многолетних исследований автора в области древних форм социальных отношений армянского народа.

В совокупности они дают возможность комплексно рассмотреть два самостоятельных вопроса, хотя и различных по тематике, но общих по своему характеру, ибо они относятся по существу к одной области социальной организации армянского народа в прошлом.

В первой из вышеназванных работ рассматриваются основные стороны семейной общины, в частности характерная для нее форма собственности, ее состав и структура, распределение функций между членами семейной общины, их имущественно-правовое положение, порядок наследования, жилище семейной общины и т. д. Вторая работа охватывает структуру патронимии, иллюстрируемую многочисленными генеалогическими схемами, ее территориальное единство, выраженное в характерной форме поселения, наиболее выразительные остаточные формы хозяйственной и идеологической общины.

В исходных методологических позициях автор опирается на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а в части кавказского сравнительного материала — на работы М. О. Косвена, Р. Л. Харадзе, Ш. Д. Инал-Ипа, С. Ш. Гаджиевой и других советских этнографов.

Важнейшие выводы Э. Т. Карапетян вкратце можно суммировать в следующих положениях: семейная община в первоначальном виде представляет собой ячейку, олицетворяющую полное хозяйственное и родственное единство данного коллектива.

Судя по археологическому материалу, отражающему древнейшие формы жилища у армян, формирование семейной общины датируется эпохой ранней бронзы. Большая семья у армян — «гердастан» — пережиточная форма семейной общины, берущая начало на стадии разложения родового строя; в процессе дальнейшего развития семейная община изменяется в зависимости от условий своего бытования в рабовладельческой, затем в феодальной и, наконец, в капиталистической формации; основную причину ее видоизменения и распада составляет частная собственность внутри семейной общины, которая складывалась, по мнению автора, главным образом, в результате развития личной собственности женщины. В зависимости от поколенного состава гердастана, различаются три ее разновидности, каждая из которых имеет свой район преимущественного распространения; эти районы отличаются по уровню общественно-экономического развития, в результате чего вышеуказанные разновидности гердастана отражают различные стадии в процессе развития данной формы семьи; гердастан, как правило, сосуществует с патронимией, известной у армян под наименованием азг; основой для сближения гердастана и азга является сходство в сфере социально-экономических функций и хозяйственно-родственного единства, базирующегося на агнатном родстве¹. Патронимии в период, изучаемый Э. Т. Карапетян, присущи две формы собственности — общесемейная и общезаговая, причем последняя, являясь производной от первой, распространяется лишь на некоторые средства производства, в первую очередь на дорогостоящий инвентарь (маслодавилы, мельницы и т. д.); азговая соб-

¹ Э. Т. Карапетян, *Родственная группа азг у армян*, стр. 25 и сл.

ственность, помимо вышеуказанных случаев, находит свое выражение в порядке расселения дочерних семей, которые и на селе и на пастбищах, как правило, располагались в непосредственной близости от главного дома, а также в предпочтительной взаимопомощи, совместном отправлении культа и т. д.

Эти выводы делают монографии Э. Т. Карапетян ценным пособием, которое помогает осветить важнейшие стороны социальной организации армянского народа в прошлом.

Подобные работы вместе с тем имеют значение для освещения развития семейной общины и с точки зрения общих проблем истории первобытной общины. Правда, с выходом в свет работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» решение данного вопроса получило твердую методологическую основу, а дальнейшие исследования советских этнографов подтвердили правильность положений Ф. Энгельса, однако это не исключало бытования и противоположных взглядов. Наиболее яркими противниками вышеуказанного понимания природы семейной общины, как и следовало ожидать, явились наиболее реакционные представители зарубежной этнографии в лице В. Коппера и В. Шмидта. Исходя из предвзятой предпосылки, что индивидуальная семья с частной собственностью в основе является значительной формой семьи, большую семью, бытующую в классовом обществе, начали считать порождением классового общества, обусловленным лишь экономическими соображениями и, при отрицании родственного состава, важнейшим фактором ее единства объявили религиозное начало. Так разрабатывалось положение, согласно которому якобы каждая формация создает свою большую семью, развивающуюся из индивидуальной². А если это так, в основе большой семьи лежит частная собственность, следовательно, она не может быть пережитком той социальной организации, которая именуется семейной общиной.

Нетрудно догадаться, что все это направлено против концепции Ф. Энгельса, который большую семью, описанную у многих народов мира по материалам XIX в., считал пережитком ее начальной формы — семейной общины. По его словам, «южнославянская задруга представляет собой наилучший еще существующий образец такой семейной общины»³, или: «Только приблизительно десять лет тому назад было доказано, что такие семейные общины продолжают существовать и в России»⁴, или: «...во Франш-Конте они (домашние общины.— А. Р.) и до настоящего времени еще не совсем исчезли»⁵. То же самое Ф. Энгельс говорит об Индии, Кавказе и т. д. Его слова о продолжавшемся существовании семейной общины, вернее формы семьи, представлявшей образец семейной общины, относятся к последнему десятилетию XIX в. и к народам, которые в это время находились на стадии капиталистического развития.

Как известно, при разработке Ф. Энгельсом проблемы форм семьи одной из основ явилась открытая М. Ковалевским именно на Кавказе семейная община и ее рассмотрение Ф. Энгельсом наряду с южнославянской задругой говорит об отсутствии принципиальной разницы между ними. Известно также и то, что Ф. Энгельсом были сделаны наиболее существенные поправки к теории семьи Л. Моргана именно в части, касающейся форм семьи и соответствующих форм собственности.

Работами советских этнографов ошибочные взгляды Копера и Шмидта давно преодолены и Э. Т. Карапетян, быть может, права в своем решении специально не останавливаться на этой стороне истории вопроса. Однако по этой проблеме у некоторых исследователей все еще имеются ошибочные утверждения. В качестве примера можно назвать хотя бы Е. Пенковского, который в пространной и в общем весьма положительной рецензии на двухтомник Р. Л. Харадзе «Грузинская семейная община», считая «бесспорной заслугой автора освещение хозяйственных и социально-экономических отношений в этой общине», явно преувеличивает значение религиозного момента⁶.

Очевидно, подобные явления имеет в виду один из видных зарубежных социологов-марксистов, критикуя современные реакционные взгляды, которые, по его словам, с помощью псевдонауки, пытаются утвердить положение религии о «христианском браке», как «корне и основе семейной общины»⁷. Между прочим, вслед за этим он выражает надежду, что развивающаяся исследовательская работа советских ученых даст новые обобщения в области теории семьи.

Вскрывая на новом этнографическом материале подлинную сущность семейной общины и ее последующих трансформаций, ее социально-экономическую основу, выраженную в хозяйственно-родственном единстве, Э. Т. Карапетян дает нам новый ар-

² W. Koppers, W. Schmidt, *Gesellschaft und Wirtschaft der Völker*, Regensburg, 1925, S. 203.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ «Anthropos», Bd. 50, 1964, Hf. 5—6, S. 956—957.

⁷ Г. Дункер, Введение в марксизм, М., 1965, стр. 191.

гумент в борьбе как против вулгарного материализма, объясняющего существование семейной общины лишь интересами экономической рентабельности, так и против идеализма, видящего в основе семейной общины главным образом религиозное начало.

То же можно сказать и относительно азговой организации у армян, рассмотренной во второй работе, которая, логически продолжая разработку вопросов, поставленных в первой, делает общую картину более ясной и убедительной.

Как и любые исследования, посвященные сложной проблеме и содержащие новые материалы, рецензируемые работы Э. Т. Карапетян выдвигают ряд вопросов, на которых следовало бы остановиться более подробно.

1. Касаясь особенностей изучаемой семьи, автор говорит о «коллективной форме собственности»⁸, как о характерной черте данной семьи. Ввиду того, что в последующем изложении особое внимание уделяется имущественно-правовому положению членов гердастана, следовало бы, на наш взгляд, более подробно показать специфику, присущей ей формы собственности, ее отличие, с одной стороны, от родовой, от которой она берет свое начало, а с другой — от частной, которая и является причиной окончательного распада гердастана. Здесь автору было бы уместно вспомнить слова Ф. Энгельса: «...речь идет уже больше не о том... общая или частная собственность на землю, а о том, какова была форма общей собственности»⁹. Тем более, по данному вопросу существует специальное исследование И. Н. Винникова, который подробно останавливается на тех особенностях собственности семейной общины, по которым последняя отличается от других форм семьи¹⁰. Это наше замечание автору продиктовано не только соображениями библиографической полноты, а тем, что в некоторых исследованиях по данной проблеме встречаются формулировки, до некоторой степени сглаживающие различие между семейной и родовой общинами.

С точки зрения исторического соотношения между указанными двумя формами социальной организации привлекает внимание положение, согласно которому семейная община полностью воспринимает отношения в роде, но вместе с тем представляет собой обособленную часть рода¹¹. Территориальная обособленность семейной общины была результатом изменений, происшедших в формах собственности. Семейная община в виде самостоятельной хозяйственно-родственной организации, как правило, складывалась на базе прочного союза представителей двух различных родов. Родовой сепаратизм с присущими ему противоречиями находил свое отражение во всех сферах семейной жизни, в первую очередь в сфере имущественных отношений. Отражением этих противоречий является и личная собственность женщины в семейной общине, развившаяся в классовом обществе в частную, которая и стала одной из основных причин гибели этой формы семьи. Эти изменения находили свое выражение в обособленности хозяйственных угодий, нарушении территориальной целостности рода с вытекающими отсюда чересполосицей, утерей былого единства хозяйственных интересов и появлением полигенных поселений.

Нельзя забывать и о поло-возрастном разделении труда в прошлом, которое влодствии с накоплением богатства привело к порабощению женщины, к появлению деспотической власти в семье.

Наконец, полное равноправие членов рода в классическом его состоянии в семейной общине не могло иметь универсального характера. Принцип поколенного раздела имущества отца, наследниками которого являлись лишь сыновья, также говорит об отличительной особенности семейно-общинной собственности от родовой.

2. В связи с вопросом о формах собственности хотелось бы остановиться на рассуждении автора относительно имущественно-правовых норм, действующих внутри семейной общины, которые довольно подробно освещены и в первой и во второй работах. При анализе имущественно-правового положения женщины в семье автор приводит этнографические материалы и данные древнеармянских письменных источников. В частности, данные этнографии армян дают основание Э. Т. Карапетян говорить о том, что «...в Армении еще в конце прошлого столетия строго соблюдался архаический принцип раздела имущества на равные доли только между братьями»¹². По данным же древнеармянских письменных источников, в частности по «Судебнику» Мхитаря Гоша, 61—65 статьи которого посвящены вопросу о разделе имущества между сыновьями и дочерьми, в разделе имущества отца в определенных случаях принимает участие и дочь; она получает точно установленную долю, хотя и не является наследницей. Правда, как отмечает один из авторитетных издате-

⁸ Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 5.

⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 139—140.

¹⁰ И. Н. Винников, Четвертое издание книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Вопросы истории докалассового общества», М.—Л., 1936, стр. 177.

¹¹ М. П. Калганов, Собственность, М., 1962, стр. 138.

¹² Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 101.

лей и комментаторов этого источника Б. М. Арутюнян, «не все законы и каноны Гоша носят нормативный характер»¹³, но так как этот «Судебник» получил широкое распространение в качестве практического руководства, он может служить источником для характеристики и правового положения женщины в средневековой Армении. Э. Т. Карапетян, комментируя некоторые места «Судебника», пишет: «В понимании Мхитара Гоша приданое — это частично подарки, полученные во время свадьбы невестой, и в основном доля, полученная девушкой из отцовского имущества».¹⁴

Следовательно, в отношении имущественно-правового положения женщины в армянской семье мы имеем два различных показания, среди которых данные «Судебника», датируемого XII—XIII вв., говорят о праве женщины на долю в имуществе отца, а данные этнографии, т. е. позднейшие, об отсутствии такового. При этом норму семейного права, устанавливаемую по данным этнографии и исключаящую женщину из участия в разделе имущества, автор считает более архаической, нежели норму «Судебника», который предполагает право ее на определенную долю в имуществе отца. Такого рода сопоставление адата и закона ставит вопрос об историческом соотношении вышеуказанных двух различных норм в области имущественно-правового положения женщины в армянской семье. По нашему мнению, общий процесс развития правового положения женщины в классовом обществе, характеризующийся постепенным сужением и имущественного права ее, говорит в пользу того, что «Судебник» Мхитара Гоша, подтверждающий право женщины на долю в отцовском имуществе, отражает более архаическую норму, нежели этнографический материал, отрицающий это право.

3. К имущественно-правовому положению членов семейной общины относится и вопрос о личной собственности женщины. Личную собственность женщины автор закономерно связывает с приданым, которое состояло «частью из имущества, выделенного из общесемейного имущества отцовского дома, которое увеличивалось за счет труда и подарков родственников, и частью от подарков, получаемых ею во время свадьбы от родственников жениха»¹⁵. В связи с этим автор полемизирует с Х. Самвеляном, считая, что он впал в «некоторое заблуждение», так как приданое обозначил термином «арнегин» (букв. цена крови), в то время как в армянском языке приданое обозначается термином «ожит», а арнегин является лишь частью его¹⁶. В этом отношении привлекают внимание материалы, касающиеся армянского арнегин, совершенно правильно отличаемого автором от приданого — ожит. Этот институт в описании автора обозначает личную собственность женщины, получаемую из родительского дома, увеличиваемую трудами женщины, не вливаемую в общую собственность семейной общины и передаваемую в наследство по женской линии.

Не содержат ли вышеуказанные этнографические материалы и данные древнеписьменных источников относительно армянского арнегин основания для того, чтобы поставить вопрос о возможности выявления исторического соотношения между такими проявлениями имущественно-правового положения женщины, как точно определяемая ее доля в имуществе отца и арнегин как часть отцовского имущества, определяемая экономической самостоятельностью семьи и усердием женщины.

По нашему мнению, здесь имеется аналогия с грузинским сатавно, которое по некоторым признакам проявляет сходство с армянским арнегин. Между прочим, и этимология армянского арнегин — цена крови — в какой-то степени перекликается с грузинским сатавно, ибо в некоторых случаях основную часть сатавно составляла вира — цена крови, получаемая семьей женщины от кровника¹⁷.

Указанные материалы дают основание предполагать наличие генетической связи между приданым — конкретной формой частной собственности — и арнегин — конкретной формой собственности личной, хотя для окончательного решения этого сложного вопроса они недостаточны.

Эти рассуждения, навеянные интересными материалами в рецензируемых работах, приводятся не в упрек автору, а как пожелание шире использовать сравнительные данные, которые могут придать вышеуказанному вопросу более общий характер, сделать его более интересным с точки зрения общекавказской этнографии.

4. С имущественно-правовым положением женщины в семье связан и вопрос о характере левирата на позднейших ступенях его развития. Анализируя данные этнографии относительно наследственного права в области азговых отношений, автор говорит, что жена, как мать наследников мужа, после смерти последнего становилась владелицей его имущества. Однако «если вдова выходила замуж за представителя другого азга, то она лишалась права владения этим имуществом, и оно переходило

¹³ «Армянский Судебник Мхитара Гоша», Ереван, 1954, XXI.

¹⁴ Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 103.

¹⁵ Там же, стр. 102.

¹⁶ Там же, стр. 102—103.

¹⁷ Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, II, Тбилиси, 1962, стр. 151 и сл.

к агнатам мужа»¹⁸. В связи с этим автор пишет о левирате, который, по ее словам, «...уходя своими корнями к ранним формам брака, сохранился в новом осмыслении, как способ сохранения имущества в пределах родственной группы азг»¹⁹. Если по нормам письменного и обычного права при уходе вдовы из азга мужа его имущество оставалось в пределах азга, не ясно, какое значение мог иметь левират как способ сохранения имущества в пределах данной родственной группы — ведь это имущество и так оставалось в пределах азгового объединения.

5. В связи с вопросом о характере семейной общины автор приводит собранный ею этнографический материал и синхронные ему литературные данные относительно института нокарства в семейной общине (нокар — в современном значении слуга). Вскрывая противоречивую природу нокара в армянском гердастане и правильно видя в нем «как бы равного члена семейной общины», автор квалифицирует его как «остаток существовавших некогда норм»²⁰ и ставит вопрос, «не имеет ли институт нокарства отдаленного отношения к домашнему рабству»²¹.

Исходя из правильной вообще предпосылки, что отдельные племена, входившие в состав Урарту, являлись одним из компонентов сложившегося впоследствии армянского народа, Э. Т. Карапетян ставит целью, используя данные из области исторической этнографии относительно народов Урарту, подкрепить свое соображение о связи этнографически фиксируемого нокарства в армянском гердастане с домашним рабством у предков армян. В частности, в работе приводятся две цитаты из торжественной надписи Саргона II, датированной 713 г. Ввиду того, что в названном источнике нет прямого указания на домашних рабов, автор ссылается на последовательность перечисления таких категорий, как «семья», «дети», «люди» и приходит к выводу, что в данном контексте «люди» должны обозначать домашних рабов²².

Указанный в работе источник не дает основания для таких выводов, так как в обоих случаях идет речь о царских семьях, о дворцовом имуществе, о стране в целом. Неясно, почему автор считает, что «люди страны» обозначают именно домашних рабов, а не рабов вообще и даже не вообще свободное население.

Э. Т. Карапетян ничего не говорит, какие именно народы подразумеваются в приведенных ею цитатах. В первой из них имеется в виду Куммух, а во второй — Табала. Если автор не счел достаточным ограничиться вообще древневосточными параллелями, хотя, по нашему мнению, этого было бы достаточно, и поставил целью выявить параллели именно с древнейшими предками армян, следовало бы яснее показать существование преемственной связи армянского народа с населением Куммуха и Табала.

В подтверждение своего положения о возможной связи института нокарства в армянском гердастане с средневековым домашним рабством автор ссылается на «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, в частности, на предание о приходе Айка на землю Аратскую в сопровождении домочадцев, обозначенных в оригинале термином «ындоцик». «В переводе Эмина, — пишет автор, — ындоцик читается как домочадцы, в свете новых исследований нужно читать не домочадцы, а доморощенные рабы»²³. При ссылке на такую принципиальную поправку в понимании важнейшего социального термина, которая по существу меняет показания источника, желательно было бы или привести соответствующую аргументацию, или по крайней мере указать на специальную литературу.

Говоря здесь об этом и об интерпретации надписи Саргона II, мы не касаемся самой проблемы домашнего рабства в Урарту и в Древней Армении, так как эти вопросы выходят за пределы тематических рамок рецензируемых работ. Хочется лишь обратить внимание Э. Т. Карапетян на то, что указанные места из Саргоновской надписи и их авторскую интерпретацию необходимо подкрепить более прямыми показаниями источников, чтобы можно было согласиться с предположением автора о возможной связи нокарства в армянском гердастане как с домашним рабством у тех племен Урарту, которые составляли, по мнению автора, компонент армянского народа, так и с домашним рабством в средневековой Армении.

Замечания, высказанные по отдельным положениям рецензируемых монографий Э. Т. Карапетян, не могут умалить их значения. Благодаря обилию свежего полевого материала, удачному использованию данных археологии, привлечению древнеармянских письменных источников и, что самое главное, значению выводов как для истории армянского народа, так и для общей этнографии, эти работы по праву займут место в ряду ценных исследований советских этнографов в области изучения древних форм социальных отношений.

А. И. Робакидзе

¹⁸ Э. Т. Карапетян, Родственная группа «азг» у армян, стр. 316.

¹⁹ Там же.

²⁰ Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 90.

²¹ Там же, стр. 92.

²² Там же, стр. 93.

²³ Там же, стр. 34, прим. 1.